

Приходя сюда, Е Мянью надеялся увидеть лишь Императора и Князя Жуннань, и никак не ожидал, что здесь также окажутся Вдовствующая императрица, Благородная супруга Цзя и Седьмой принц. Е Мянью стоял на коленях, глядя на расстилающийся перед ним изысканный ковер, расшитый золотыми нитями. Сверху донесся раскатистый смех Императора Канвэня, но Вдовствующая императрица поспешила первой велеть юноше подняться.

— Вставай скорее, дай мне взглянуть, как выглядит младший брат нашего Дуаньхуа.

— Поднимись, — раздался и голос Государя, в котором слышалась легкая улыбка, но не терялось величие монарха.

Е Мянью без тени смущения поднялся и открыто поднял голову, позволяя рассмотреть себя.

— Хороший ребенок, подойди ко мне, — ласково улыбнулась Вдовствующая императрица, сидевшая подле Государя во всем своем величии, и поманила его рукой. — Иди же сюда, дай мне хорошенько тебя рассмотреть.

Е Мянью послушно сделал несколько шагов вперед. Вдовствующая императрица взяла его за руку, оглядела с ног до головы и, тихонько заохав, радостно повернулась к Императору:

— Пройдет еще года два, и он станет точной копией Шаоцина Е в тот год, когда тот занял второе место на императорских экзаменах!

Император Канвэнь рассмеялся, поглаживая бороду, и удовлетворенно кивнул, окинув Е Мянью взглядом. Затем он с легкой усмешкой обратился к сидевшей рядом Благородной супруге Цзя:

— А ты умеешь выбирать. Неудивительно, что во время Летней охоты ты так настойчиво просила у меня этого юношу. Оказывается, давно его заметила.

Благородная супруга Цзя поспешно рассмеялась в ответ, соглашаясь, однако ее взгляд, брошенный на Е Мянью, на миг сделался сложным. Сразу после этого она украдкой, едва заметно, зыркнула на Князя Жуннань, сидевшего подле Вдовствующей императрицы.

Чжуан Сюй в этот момент, наклонив голову, что-то вполголоса наказывал стоящему за его спиной маленькому евнуху. Вскоре тот вернулся, неся бумагу и кисти.

Император Канвэнь громогласно рассмеялся:

— Нечасто наш Чжэнлань просит у меня наград и признания заслуг! Ну-ка, сегодня я посмотрю, каков из тебя учитель. Если выйдет дурно, я тебя накажу!

Чжуан Сюй с улыбкой поднялся, мягко высвободил руку Е Мянью из пальцев Вдовствующей императрицы и подвел его к низкому столику из резного сандала, на котором двое маленьких евнухов торопливо раскладывали бумагу и письменные принадлежности.

Е Мянью изрядно нервничал. Он украдкой метнул на Чжуан Сюя сердитый взгляд и прошипел сквозь зубы:

— Если меня сейчас утащат и казнят, я стану призраком и буду каждую ночь стоять у твоей постели.

Чжуан Сюй ничего не ответил. Он лишь собственноручно плеснул немного чистой воды в тушечницу, растер тушь, проверяя ее густоту, и только после этого вернулся на свое место,

чтобы продолжить беседу с Государем и Вдовствующей императрицей.

Оставшись у стола, Е Мянй покорно взял кисть и принялся старательно, черта за чертой, выводить строки из «Мэн-цзы» — книги, которую знал лучше всего. Но не успел он исписать и листа, как Седьмой принц незаметно подошел и встал прямо у него за спиной.

Е Мянй, полностью сосредоточенный на письме и не ожидавший подвоха, вздрогнул от чужого дыхания у самой шеи. На бумаге тут же расплылась безобразная клякса.

Е Мянй лишь молча уставился на испорченный лист.

Седьмой принц тихонько охнул и поспешно помог ему сменить бумагу. Оба они синхронно зыркнули вверх, на сидевших на возвышении. Убедившись, что те увлечены беседой и не обращают на них внимания, они дружно вздохнули с облегчением.

Е Мянй поспешил вновь взяться за кисть. Седьмой принц слегка покраснел и прошептал:

— Прости меня.

Е Мянй глянул на него и так же тихо ответил:

— Ничего страшного, я просто перепишу заново.

Е Мянй сосредоточенно писал еще какое-то время. Седьмой принц так и не ушел, а лишь внезапно пробормотал вполголоса:

— Если ты станешь моим компаньоном в учебе, я тоже смогу учить тебя писать.

Е Мянй удивленно покосился на него.

— Вот только я пишу не так хорошо, как двоюродный брат, — Седьмой принц слегка прикусил губу и с досадой добавил: — Ладно, я буду больше тренироваться с наставником.

Е Мянй изумился. Надо же, у такой своенравной и властной женщины, как Благородная супруга Цзя, вырос столь простодушный младший сын.

Седьмой принц понаблюдал за его письмом еще немного и спросил совсем уж шепотом:

— Ты учишься каллиграфии у моего двоюродного брата... Он ведь постоянно тебя обижает, верно?

— А?

— Он и меня вечно задирает, — вздохнул Седьмой принц. — Даже мой пятый брат ничего не может с ним поделать. Отец-император и августейшая бабушка всегда принимают его сторону.

Е Мянй мысленно вздохнул: его собственный брат тоже ничего не мог поделать с этим человеком.

Закончив лист, Е Мянй передал его ожидавшему неподалеку маленькому евнуху, чтобы тот отнес его наверх.

В этот момент Государь, повернувшись к Благородной супруге Цзя, с улыбкой заметил:

— А они ладят друг с другом. Обычно нашего седьмого и слова сказать ни с кем не заставишь.

Благородная супруга Цзя теребила в руках платок, глядя на Е Мяня с таким видом, словно хотела что-то сказать, но не решалась.

Вдовствующая императрица жестом подозвала Седьмого принца к себе и усадила рядом. Нежно погладив его по волосам, она спросила:

— Тебе нравится Мянь-гэ? Хочешь, бабушка будет почаще звать его во дворец?

Седьмой принц вспыхнул от радости и часто-часто закивал.

Благородная супруга Цзя склонилась к Государю и показала ему каллиграфию Е Мяня, указав на пару мест:

— На мой взгляд, у него заметен прогресс.

Государь взглянул на свиток и улыбнулся:

— Действительно, успехи налицо. Пожалуй, наказывать его не за что. — С этими словами он посмотрел на ожидавшего в стороне маленького евнуха. Тот, склонив голову, быстро подошел к Е Мяню и поднес ему шкатулку из резного черного лака, которую бережно держал в руках.

Е Мянь поспешно опустился на колени, выражая благодарность за императорский дар, а про себя недоумевал: «И это всё? Я-то думал, последует строгий разбор, а вышло так, будто это просто пустая формальность».

Благородная супруга Цзя с приветливой улыбкой отдала пару распоряжений стоявшей позади служанке. Та вскоре вернулась с расшитым шелковым мешочком и, склонившись, протянула его Е Мяню.

Е Мянь вновь поклонился в знак благодарности.

Благородная супруга Цзя на мгновение задумалась и уже собиралась что-то сказать Государю, как вдруг Чжуан Сюй заговорил первым.

— Августейший дядя, моя матушка прислала письмо из Резиденции принцессы в Цзиньлине. Доказательства того, что Военный губернатор Хуайси в сговоре с Восточными варварами Дунъи тайно открыл солеварни и занимался незаконной продажей соли, полностью собраны. Я слышал, несколько свидетелей уже доставлены в Судебный приказ Далисы.

Лицо Императора Канвэня мгновенно посерьезнело:

— О? Где письмо? Живо подай его мне.

Находившийся подле Чжуан Сюя Евнух Ся почтительно преподнес послание. Император Канвэнь развернул его, внимательно прочитал и, нахмурившись, приказал:

— Ступайте в Судебный приказ Далисы и призовите Шаоцина Е во дворец для обсуждения дел.

Благородная супруга Цзя, сидевшая рядом, с улыбкой заметила:

— И доказательства на руках, и люди доставлены. Стоит ли Государю так спешить? Подумали бы лучше, какой сегодня день.

Император Канвэнь опешил.

Благородная супруга Цзя прикрыла рот ладонью, тихонько посмеиваясь:

— Сегодня ведь Седьмой день седьмого месяца. Шаоцин Е женат всего ничего, да и так трудится не покладая рук, не зная отдыха ни днем ни ночью. Разве в такой праздник не положено дать ему немного перевести дух, чтобы он мог прогуляться со своей супругой?

Однако Император Канвэнь лишь отмахнулся, не одобряя ее слов:

— Пустые речи. Мужчина, поступивший на государственную службу, должен превыше всего ставить дела империи.

Благородная супруга Цзя с улыбкой согласилась.

У Е Мянэ екнуло сердце. Его невестка уже который день твердила о том, что сегодня брат отпросится у начальства и вернется на час раньше, чтобы прогуляться с ней по праздничным улицам.

Чжуан Сюй повернулся к Вдовствующей императрице:

— Августейшая бабушка, я еще никогда не видел Ночи орхидей в праздник Циси в Столице, и мне тоже хотелось бы прогуляться.

Вдовствующая императрица с улыбкой ответила:

— Тогда сходи посмотри. Ночь орхидей в нашей Столице уж точно куда оживленнее, чем в вашем Цзиньлине. Только на улицах сегоднялюдно, так что возьми с собой побольше стражников, чтобы толпа тебя не затерла.

Стоявший рядом Седьмой принц широко распахнул глаза и прошептал:

— Я тоже хочу...

Чжуан Сюй произнес:

— В таком случае я не стану задерживаться и заберу Е Мянэ с собой. Пусть сегодня за ужином вас сопроводит седьмой братец.

Вдовствующая императрица добродушно рассмеялась:

— Хорошо, ступайте, ступайте.

Чжуан Сюй поднялся и подал Е Мянэ знак глазами. Они оба преклонили колени перед Государем, поблагодарив его, и покинули боковой зал.

Когда они сели в экипаж Князя Жуннань, Е Мянэ с досадой спросил:

— Ну и зачем ты опять подставил моего брата? Невестка сегодня наверняка прикажет слугам запереть ворота Павильона Бихуа и не пустит его на порог.

Чжуан Сюй холодно хмыкнул:

— Ты не видел, как он подставил меня. Я всего лишь выставил его из Павильона Бихуа, а он и

вовсе спит и видит, как бы выдворить меня из Столицы.

Е Мянью осекся, не зная, что возразить.

Чжуан Сюй опустил взгляд, забрал из рук Е Мянью шкатулку и открыл ее. Е Мянью слегка опешил — внутри лежал тот самый коралловый браслет.

Чжуан Сюй притянул к себе руку Е Мянью и обмотал нить бусин вокруг его запястья, невозмутимо добавив:

— Не забудь передать брату, что эти четки — императорский подарок. Если они порвутся снова, это сочтут за оскорбление величества, а кара за такое — смерть.

Е Мянью закатил глаза и попытался высвободить руку, но Чжуан Сюй крепко держал ее. Е Мянью возмущенно уставился на него:

— Ты что делаешь? Руки распускаешь?

Чжуан Сюй в недоумении нахмурился:

— Что значит «руки распускаешь»? — Но поразмыслив секунду, уловил суть и покачал головой:
— Если тебе даже это не по нраву, как же мы будем ладить в будущем?

Е Мянью слегка разозлился:

— Не думай, что я побоюсь тебе врезать!

Видя, что тот действительно рассердился, Чжуан Сюй нехотя разжал пальцы, однако поднялся со своего места напротив и пересел поближе, прижавшись к его боку.

Е Мянью только вздохнул. С чего это вдруг этот человек стал таким липким, точно рисовый пирог?

Чжуан Сюй расслабленно прислонился к нему и внезапно произнес:

— Мои матушка и батюшка познакомились именно в Ночь орхидей в праздник Циси в Цзиньлине.

Е Мянью повернулся к нему, почуяв возможность разузнать интересные сплетни.

<http://bllate.org/book/18289/1753877>